

Ощувив реальный вес прижавшегося к нему человека, Цэнь Сяо невольно напряг мускулы.

Ли Жун прислонился спиной к его руке, и это давление было выверено до идеала: он не пережимал сосуды, но и не касался лишь слегка, готовый отстраниться в любой момент.

Ему достаточно было лишь чуть сильнее сжать запястье и потянуть на себя, чтобы по-хозяйски обхватить юношу за талию. Праздничный костюм был сшит точно по фигуре, его силуэт безупречно повторял изгибы тела, и с какого ракурса ни посмотри, Ли Жун казался воплощением гибкости и изящества.

Он не любил парфюм, но от него исходил особенный аромат — так пахнет комната, доверху наполненная свежими фруктами и листьями зеленого чая, когда в неё впервые за долгое время открывают дверь. Стоило Цэнь Сяо склониться ближе, и он улавливал этот запах, исходящий от стройной бледной шеи и внутренней стороны предплечий, где под тонкой кожей отчетливо проступали вены.

Староста улыбался, его взгляд был полон лукавого очарования. Всего парой небрежных фраз он загнал всех присутствующих в ловушку чудовищной неловкости. Весь зал словно накрыло невидимой сетью морального тупика, из которой не было выхода.

Забавно: когда человека обвиняли в алчности и беспринципности, это воспринималось как должное, но стоило ему самому подтвердить их слова делом, как те же самые люди, забыв о своих недавних приговорах, застыли в ужасе.

Тонкие, багрово-красные брови Матери Сун взлетели вверх, а на обычно гладком, фарфорово-белом лбу прорезались глубокие морщины. Вены на висках бешено запульсировали, кровь ударила в голову — от резкого скачка давления у женщины потемнело в глазах.

— Здесь тебе не место для пьяного бреда! — взвизгнула она, указывая пальцем в лицо Ли Жуну.

Она приложила столько усилий, чтобы через Сяо Мужань наладить связь с семьей Цэнь, вовсе не для того, чтобы Цэнь Сяо любовался выходками этого безумца. План был безупречен: при всех гостях и друзьях, на глазах у потенциального зятя, окончательно разорвать связь между дочерью и Ли Жуном, а затем дать Юаньюань шанс сблизиться с завидным женихом.

Но всё пошло прахом. Пышный банкет теперь напоминал роскошный клубничный торт, в который угодила жирная муха: и проглотить тошно, и выплюнуть невозможно.

Сун Юаньюань поспешила на помощь матери. Посмотрев на юношу полным фальшивого сострадания взглядом, она робко произнесла:

— А-Жун, не надо... Не говори так о себе. Я знаю, что ты просто злишься на меня.

После той искры, что проскочила между Ли Жуном и Цэнь Сяо в экспериментальном классе, она была свято уверена: оба парня без ума от неё. Юаньюань готовилась к тому, что бывший парень будет в ярости, начнет кричать или даже полезет в драку.

Но чтобы он вместо драки решил завести с соперником роман? К такому её жизнь не готовила.

Ли Жун мельком взглянул на неё и тут же отвернулся. Он глубоко вздохнул и произнес тоном человека, познавшего тщетность бытия:

— Раньше я был слишком горд и заносчив, характер — не сахар. Но за этот месяц жизнь меня так приложила, что я наконец прозрел. Решил вот плыть по течению и стать балластом при ком-нибудь надежном. Президент Цэнь, как вы на это смотрите?

«Судя по опыту прошлой жизни, — подумал он, — в этот момент Цэнь Сяо должен был немедленно утащить его домой и предаться безудержной страсти. Однако... Хе-хе. В этом возрасте у него еще нет собственного жилья»

Лицо Матери Сун пошло пятнами. Казалось, её давление взлетело до критической отметки, и она вот-вот упадет в обморок от ярости. Но больше всего её уязвляло то, что Цэнь Сяо до сих пор не оттолкнул этого наглеца с брезгливой гримасой. Напротив, он, кажется, всерьез обдумывал предложение.

Цэнь Сяо усмехнулся. В его глазах полыхнул темный огонь. Он не только не выпустил Ли Жуна, но и незаметно усилил хватку, заставляя того прижаться к себе еще плотнее.

— Если тебе и впрямь нравятся мужчины, я, пожалуй, подумаю над этим предложением.

Он смотрел на собеседника открыто, почти вызывающе, совершенно не заботясь о риске публичного признания. Ему нужен был лишь один честный ответ.

Ли Жун мгновенно почувствовал волну собственничества — тяжелую, давящую, до боли знакомую. Точно такую же, как в ночь после выпускного в университете. Он поджал губы и повернул голову, встречаясь с Цэнь Сяо взглядом.

Они замерли в двусмысленной, интимной позе, глядя друг другу прямо в глаза с опасно близкого расстояния. Однако в этом взгляде не было ни нежности, ни любовного томления.

В глазах Цэнь Сяо читалась неприкрытая агрессия, которая в ответ на молчание становилась лишь отчетливее. Ли Жун же крепко сцепил зубы, его ресницы едва заметно подрагивали.

«Нравятся ли ему мужчины на самом деле? Он и сам не знал»

Пусть Цэнь Сяо был одержимым безумцем, отрицать его привлекательность и богатство было глупо. Но что важнее — в будущем он получит высший уровень доступа в «Ланьшу». Они уже были близки раньше, Ли Жун знал все его привычки и слабые места. Использовать старую привязанность, чтобы нанести ответный удар — почему бы и нет?

«Сейчас он не позволял эмоциям брать верх. Вопрос "нравится — не нравится" его просто не интересовал. К тому же, верить кому-то свои чувства было бы верхом глупости. Даже Цэнь Сяо вряд ли руководствовался лишь симпатией. Их союз был возможен только как хрупкое равновесие интересов. У каждого из них было слишком много секретов, и оба были мастерами их скрывать. Для умного человека нет игры интереснее, чем пытаться выведать чужую тайну, надежно оберегая свою»

Ли Жун первым отвел взгляд. Кончик его языка скользнул по пересохшим губам, увлажняя их. Он мягко улыбнулся, сохраняя в голосе загадочность:

— А что в твоём понимании значит «нравится»? Может, мне тебя поцеловать для проверки?

Когда прозвучало слово «поцеловать», мускулы на лице Матери Сун мелко задрожали, прорезая глубокие складки на её обвисшей коже. Цэнь Сяо приоткрыл рот, собираясь что-то ответить, и Ли Жун невольно наострил уши, боясь пропустить хоть слово.

Внезапно Мать Сун охватила необъяснимая тревога. Нужно признать, что сегодняшний юноша обладал какой-то пугающей, почти магической притягательностью. За годы светской жизни она научилась видеть людей насквозь. Она знала его с пеленок: мальчишка всегда был красив, но его холодность и отстраненность отталкивали.

Но сейчас она впервые почувствовала, что в каждом его жесте, в каждой улыбке сквозит какая-то невероятная глубина и опыт. Даже будучи мужчиной, он был способен лишить разума любого.

Она резко оборвала Цэнь Сяо:

— Сяо-Цэнь, не вздумай потакать его бредням! Он просто использует тебя, чтобы заставить нашу Юаньюань ревновать!

Цэнь Сяо рассмеялся. Обернувшись к ней, он холодно спросил:

— О как. А вы, когда целый месяц терлись рядом с моей матерью и подавали ей карты за игрой в маджонг, разве не планировали использовать мою семью, чтобы пролезть в «Ланьшу»?

Мать Сун в ужасе расширила глаза. На такую прямоту ей нечего было ответить. Подобные

вещи не произносят вслух, особенно в присутствии людей из «Хунсо». Она кожей почувствовала, как взгляды гостей, до этого прикованные к Ли Жуну, медленно переместились на неё. В них читалось неприкрытое подозрение и брезгливость.

Семья Сун в свое время поднялась именно благодаря Ли Цинли, поэтому почти все их связи были в «Хунсо». Ученые из исследовательского института всегда отличались высокомерием и особенно презирали Восьмой район «Ланьшу». Мать Сун пригласила Цэнь Сяо под предлогом дружбы с дочерью, но теперь, когда её истинные мотивы были выставлены на всеобщее обозрение, она оказалась в безвыходном положении.

В толпе послышался шепот:

— А кто этот Цэнь Сяо? Нам говорили — одноклассник Юаньюань.

— Ты не знал? Сын Цэнь Цина из Третьего района «Ланьшу». И что-то я не слышал, чтобы Сун Юаньюань училась с ним в одном классе.

— Хм, значит, одной ногой здесь, другой там? Решила, что в «Хунсо» ловить больше нечего и пора лизать пятки «Ланьшу»?

— Так вот почему она погнала дочь танцевать с ним! Типичная корыстная девка — как только Ли Жун лишился статуса, тут же нашла замену побогаче.

— А я-то думал, это просто день рождения... Противно смотреть на такие интриги.

Вековая вражда между «Хунсо» и «Ланьшу» заставила этих людей мгновенно забыть об унижении Ли Жуну. Верность своей фракции всегда была важнее любого призрачного чувства справедливости.

Мать Сун побледнела. Она явно не ожидала такого поворота.

— Пожалуйста, не поймите превратно! Юаньюань давно симпатизирует Цэнь Сяо, и я, как мать, просто хотела дать детям шанс...

С этими словами она подтолкнула дочь вперед. Юаньюань пошатнулась и с испугом посмотрела на мать. Она была в полном замешательстве: сценарий праздника полетел к чертям, и она не знала, что говорить.

— Да... верно... Мне давно нравится Цэнь Сяо. Я хотела признаться ему сегодня.

Ли Жун с насмешкой спросил:

— Если он тебе «давно нравится», почему же ты звала меня отмечать этот день вместе?

Девушка открыла рот, но не нашлась с ответом. Неужели Цэнь Сяо она больше не интересна? Почему он вдруг захотел «попробовать» с Ли Жуном? И почему Ли Жун, который еще недавно был так к ней привязан, внезапно стал таким чужим и жестоким?

— Что ж, вечер выдался занимательным, но уже поздно, я, пожалуй, пойду.

— Да, мне тоже пора, ребенок ждет — тренировка по гольфу.

— Людям не стоит считать себя умнее всех, иначе можно оказаться в дураках.

— А главное — не надо держать окружающих за идиотов.

— Пойдем, водитель уже заждался.

Неуклюжие оправдания матери и дочери никого не убедили. Многие профессора из «Хунсо» не знали Цэнь Сяо лично, но стоило им услышать имя его отца, как всё встало на свои места. Никто не любит предательства «своих», тем более что с семьей Сун их связывали лишь деловые интересы, лишённые всякой искренности.

Гости поняли: Ли Жун намеренно устроил этот цирк, чтобы побольнее уколоть бывших друзей. И пусть его слова о поиске покровителя звучали унижительно, это позорило лишь память Ли Цинли и Гу Нун, а к ним самим не имело никакого отношения.

Зал стремительно пустел. Юноша с удовлетворением наблюдал за этим бегством. Он легонько похлопал Цэнь Сяо по руке, давая понять, что его можно отпустить, и направился к Юаньюань. Девушка стояла, низко опустив голову и закусив губу, не смея поднять глаз.

Ли Жун молча смотрел на ту, с кем провел всё детство. Все светлые воспоминания, вся прошлая близость — всё это могло рассыпаться в прах в одно мгновение. Ему нужен был лишь повод.

— С этого момента, — отдельно произнес он, — мы официально расстались.

Юаньюань всхлипнула, её глаза наполнились слезами. Она чувствовала: Ли Жун говорит это без тени бывшего чувства. И хотя она сама предала их любовь, горечь от того, что её бросают вот так, была невыносимой.

Мать Сун задыхалась от ярости. Ткнув пальцем в сторону бывшего протеже, она прорычала:

— Ли Жун!

Тот лишь усмехнулся, не удостоив её ответом. Обернувшись к Цэнь Сяо, он вскинул подбородок:

— Я ухожу. Президент Цэнь, вы со мной?

Осенняя ночь была холодной, окутанной плотным туманом. Воздух пропитался сыростью, асфальт блестел, словно покрытый свежим слоем лака, а вокруг фонарей почти не было видно ночных насекомых.

Ли Жун плотнее запахнул пиджак и застегнул верхнюю пуговицу. Но стоило ему выйти из дома, как ледяной ветер тут же пробрал его до костей. Праздничный костюм был хорош всем, кроме способности удерживать тепло — жар от его тела улетучился за считанные секунды.

Юноша уныло шмыгнул носом. Верно говорят в сети: хочешь выглядеть эффектно — забудь о комфорте.

В этот момент за его спиной послышался шум шин по мокрому асфальту. Автомобиль поравнялся с ним, задняя дверца открылась. Цэнь Сяо, вальяжно откинувшийся на сиденье, негромко произнес:

— Садись.

Ли Жун поднял глаза и встретился с ним взглядом. В тусклом свете его глаза казались влажными и блестящими — точь-в-точь как у сине-золотого шиншиллы, высматривающего лакомство.

Он юркнул в салон и плотно закрыл дверь. В машине было тепло, и от резкого перепада температур его зубы предательски застучали. Цэнь Сяо тут же почувствовал исходящий от него холод.

— Подбавь тепла, — бросил он водителю.

От потоков горячего воздуха на ресницах Ли Жуна выступили капельки влаги. Он прикрыл рот ладонью и тяжело закашлялся, а когда приступ прошел, бессильно откинулся на спинку сиденья.

За городом фонарей было мало, и их скудный свет едва достигал земли. В машине царил полумрак, создавая иллюзию абсолютной изоляции от остального мира. Казалось, что любые слова, сказанные здесь, навсегда останутся тайной.

Ли Жун повернул голову и посмотрел на профиль Цэнь Сяо. В темноте он не видел его глаз, но тяжелая аура собственности, требовавшая ответа, никуда не исчезла.

«Если тебе и впрямь нравятся мужчины, я, пожалуй, подумаю над этим предложением»

Ни в прошлой жизни, ни в этой он ни разу не говорил Цэнь Сяо, что любит его. Юноша часто заморгал, его дыхание было едва слышным. Он протянул руку и кончиком ледяного пальца легонько коснулся плеча Цэнь Сяо, давая ему совсем другой ответ:

— Цэнь Сяо, если на столе останется последний кусочек фуа-гра, я готов оставить его тебе.

Цэнь Сяо медленно повернулся к нему. В этот миг из-за поворота вылетела встречная машина, и её яркие фары на мгновение прорезали тьму салона. В этой вспышке он увидел, как блестят глаза Ли Жуна. Он мог поклясться: в ту секунду в них не было ни капли лжи или притворства.

— Мечтаю об этом, — хрипло отозвался Цэнь Сяо. Помолчав, он добавил: — И это мой ответ.

Ли Жун понял: он отвечает на его вопрос о поцелуе. В глазах парня промелькнула смешинка. Дождавшись, когда встречная машина скроется в ночи и в салоне снова воцарится мрак, он отвернулся и тихо прошептал:

— Срок годности вышел.

<http://bllate.org/book/15351/1417535>